

Литература:

1. Шелякин М.А. О спорных вопросах русской аспектологии. //Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. - Т.1. - 2-е изд.- М.: Изд-во МГУ, 2001.- С.210-219.
2. Русская грамматика Т.1. – М.: Наука, 1980.- 783 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – Изд. 2.- М.: Высшая школа, 1972.- 613 с.
4. Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. // Вопросы общего языкознания.- Л., 1965.- С.53-80.
5. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. – М.: Academia, 1998.- 280с.
6. Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.,1997.- 202с.
7. Титаренко Е.Я. Лексикографическое описание русских глаголов с учетом их фазовой парадигмы. //Вопросы глагольной семантики. – Симферополь, 1993.- С. 34-38.
8. Методические рекомендации к изучению фазово-видовых значений русского глагола. Для филологических факультетов университетов.- М.: Изд-во РУДН, 1992.- 54с.

Поступила в редакцию 17.12.2002

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

С. Г. Чернобривец

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются три типа окказиональных словосочетаний: семантические, грамматические и стилистические.

Ключевые слова: окказиональные словосочетания, речевая реализация, семантическое согласование

В статті розглядаються три типи окказіональних словосполучень: семантичні, граматичні та стилістичні.

Ключові слова: окказіональні словосполучення, мовна реалізація, семантичне узгодження

The article considers three types of occasional word combinations i.e. semantic, grammatical and stylistic.

Key words: occasional word, the semantic coordination, speech realization

Изучению окказиональности в лингвистике уделено много внимания, однако, как правило, рассматриваются словообразовательные окказионализмы. Тем не менее окказиональность может проявляться на всех уровнях языка, в том числе и в синтаксисе, обладающем огромным стилистическим потенциалом.

Предметом нашего внимания стали окказиональные словосочетания как синтаксическая единица, наполнение структурной схемы которой происходит с намеренным нарушением семантической, грамматической или стилистической сочетаемости.

Окказиональные сочетания обладают набором специфических свойств, которые отличают такие соединения от узуальных. Принадлежность к речи – важный признак индивидуально-авторских сочетаний, в которых актуализируются необходимые именно в данной речевой ситуации синтаксические связи и выражаемые ими (связями) смысловые отношения. Отсюда – творимость окказиональных словосочетаний, причём комбинация составляющих окказиональную единицу нетрадиционна, свободна от заданных системой языка условий, что наделяет окказиональное сочетание таким свойством, как ненормативность. Эта ненормативность – неправильность мотивированная, являющаяся признаком индивидуально-авторского стиля, а потому функционально ограниченная именно этой индивидуально-авторской системой. Окказиональные сочетания всегда экспрессивны и номинативно факультативны, поскольку создаются «к случаю», «связаны с определённым случаем (ситуацией)» порождения окказионализма [5, с.119].

В основе сочетаний слов лежат модели (структурные схемы), абстрактное значение которых осознаётся носителями языка.

В художественных текстах встречаются такие речевые факты, когда для достижения экспрессии и расширения смысла авторы опираются прежде всего на значение грамматической модели,

по которой построено словосочетание. Например, модель «существительное + существительное в Пр.п. с предлогом *в*» (N в N6) служит для обозначения предмета, который облекает кого- или что-либо. Ср.: нормативное – *человек в пальто; ноги в сапогах*; окказиональное – *человек в бороде; женщина в улыбке* :

Там она сразу наткнулась на человека в подержанной бороде (И.Ильф, Е.Петров); Картомиха выходила в лавку нарядная, в розовой шляпке, в перчатках, в улыбке (Е.Замятин).

В последнем предложении слово *улыбка* употреблено не как проявление чувств, а как внешняя, не касающаяся душевных переживаний черта поведения. В результате читатель понимает, что улыбка не искренна, она как бы «надета» на субъекте. Экспрессия усиливается ещё и тем, что словоформа *в улыбке* употреблена в однородном ряду со словоформами

в шляпке, в перчатках и, следовательно, улыбка также переходит в разряд предметов одежды, как и борода в сочетании *человек в подержанной бороде*.

Лингвисты [см. 2, с.107-110] относят подобные словосочетания к изобразительно-выразительным средствам синтаксиса. На наш взгляд, синтаксических (т.е. структурных) нарушений здесь нет, так как нормативная грамматическая модель сохранена. Окказиональность же состоит в необычной семантике зависимой словоформы. Подобные случаи следует, скорее всего, относить в разряд семантической (лексической) окказиональности. Таким образом, окказиональная лексическая сочетаемость проявляется в том, что привычная, нормативная сочетаемость намеренно нарушается, но структура словосочетания при этом сохраняется.

Лексическая окказиональная сочетаемость – один из способов преобразования языковых явлений, в результате чего языковые единицы обогащаются «художественно выразительными «приращениями» смысла» [1, с.125].

Приведём ещё примеры окказиональных словосочетаний, в которых намеренно нарушена лексическая сочетаемость.

В предложении *Порода машины была неизвестна (И.Ильф, Е.Петров)* окказиональное словосочетание *порода машины* создано по модели «существительное + существительное в Р.п. со значением принадлежности», как и нормативное *порода лошадей*. Экспрессивность окказионального словосочетания в приведённом случае достигнута за счёт намеренного нарушения нормативной лексической сочетаемости, так как *порода* – это либо группа животных одного вида (порода собак), либо вид растения (лиственные породы деревьев), либо категория людей (богатырская порода русских людей) [3, т.3, с.303]. Следовательно, употребление лексемы *порода* как вида механизма – машины в норме неприемлемо. И тем не менее волей авторов художественного повествования словоформы *порода машин* соединились. На основании чего произошло такое сочетание? В нашем примере главный компонент анализируемого атрибутивного словосочетания актуализирует в структуре предложения сему «вид, отличающийся от другого какими-либо признаками», а машина – автомобиль – может быть разного *вида*: грузовая, легковая, МАЗ, «Жигули» и др. Вследствие семантической общности двух компонентов словосочетания и происходит объединение лексемы *порода* и формы слова *машины*. Это явление названо Ю.С.Степановым [4, с.250-255] семантическим согласованием. «Незаконное» словосочетание *порода машины* даёт возможность авторам кратко и иронично описать автомобиль неизвестной марки, выразить экспрессивное отношение к описываемому факту, «освежить» известное в языке выражение.

В уже приведённом предложении *Там она сразу наткнулась на человека в подержанной бороде (И.Ильф, Е.Петров)* окказиональное объединение компонентов словосочетания *подержанная борода* также обусловлено семантическим согласованием: в норме борода может быть охарактеризована с точки зрения ухоженности/неухоженности; слово *подержанный*, имея прямое значение «не новый, бывший в употреблении» [3, т.3, с.186], актуализирует в окказиональном словосочетании признак «неновизны» и, как следствие, – неухоженности.

Очень выразительны окказиональные словосочетания в следующих предложениях: *Его штрафует милиция за нарушение правил уличного катехизиса (И.Ильф, Е.Петров) <...> Козлевич продолжал ехать рядом и дразнить врага монотонным чтением карманного уголовного требника (И.Ильф, Е.Петров)* Здесь окказиональные сочетания по сравнению с нормативными (каноническими) *правила уличного движения* и *уголовный кодекс* характеризуются максимальной эмоциональной насыщенностью и несут дополнительное значение обязательности знания правил уличного движения и статей уголовного кодекса, а также требование неукоснительного соблюдения норм поведения, «священного» отношения к этим нормам.

Окказиональная лексическая сочетаемость может выражаться и при помощи сравнений. Например: *Гробовое молчание застыло в приёмной, как желе (М.Булгаков) Преступление созрело и упало, как камень, как это обычно и бывает (М.Булгаков)*. В подобных случаях автор повествования вызывает в воображении читателя конкретно-вещественный образ того, о чём пишет, экспрессивно насыщая контекст.

Обоснованное нарушение лексической сочетаемости, с целью создания экспрессии и ряда смысловых приращений, ярко проявляется также и на уровне однородных членов предложения – в сочинительном словосочетании. Например: *Поссорившиеся перекупщики перекидывались бранью и раками (Н.Гоголь); Евсей прочно занимал место за печкой и в сердце Аграфены (И.Гончаров)*.

Грамматическая окказиональность в наших примерах проявляется в соединениях относительных прилагательных с наречиями меры и степени для выражения степени качества, что противоречит законам языка: способность сочетаться с наречиями меры и степени – грамматическое свойство качественных прилагательных. Например: *Железнодорожник Валентин Григорьевич Бутон <...> человек упорно и настойчиво холостой (М.Булгаков); Уже потряслась с ним беда чрезвычайно политического свойства (И.Ильф, Е.Петров)*. В данных и подобных соединениях слов актуализируется признак относительных прилагательных.

Грамматическая окказиональность проявляется и в мотивированном нарушении синтаксической связи между сочетающимися компонентами. Например: *Какие у них деньги? Они совсем недавно сыну докторскую защитили (Из юмористической передачи)*. Грамматическая необычность окказионального словосочетания в этом предложении связана с появлением у сильноуправляющего глагола «защитить» (кого? что?) новой, отсутствующей в норме валентности (кому?).

В следующем контексте также оправданно нарушается синтаксическая связь: *Вытащив деда во двор, урезал Игнат его по затылку чем-то тяжёлым, чтобы доказать, какой дед элемент. Неизвестно, чем доказал Игнат деду. По мнению последнего <...> это была резина (М.Булгаков)*. Глагол «доказать» обычно обладает двойной валентностью – кому, что. Однако в нашем примере возникает и третья, отсутствующая в норме связь – чем, то есть каким предметом.

Стилистическая окказиональность проявляется в том, что лексически сочетающиеся друг с другом слова в словосочетании, построенном по традиционной грамматической модели, не соответствуют друг другу в стилистическом плане, представляют собой разностилевые элементы или компоненты с разной стилистической окраской. Таким образом, мастера художественного слова, заменяя в словосочетании один из компонентов на его стилистический синоним, намеренно нарушают стилистическое единство словосочетания. Например: *Ипполит Матвеевич был амнистирован Остапом (И.Ильф, Е.Петров)*. В словосочетании *амнистирован Остапом* произошло соединение разностилевых элементов: функционально ограниченное «амнистирован» принадлежит к специальной лексике (термин судопроизводства) и является синонимом нейтральному «прощён»; *Остап* как имя собственное стилистически нейтрально. Это окказиональное словосочетание позволяет авторам передать превосходство Остапа, взявшего на себя функции командира, а следовательно, и право миловать или наказывать.

Приведём ещё примеры стилистической окказиональности: *Аврора [заря] разлеглась на полнеба (М.Булгаков); Этот харч богов он запивал сельтерской водой (И.Ильф, Е.Петров); Но больной не думал вводить в организм ни компота, ни котлет, ни рыбы, ни прочих разносолов (И.Ильф, Е.Петров)*.

Как видно из приведенных текстов, случаи обоснованного нарушения стилистической сочетаемости очень выразительны и экспрессивны.

Итак, окказиональные сочетания слов – результат индивидуального творчества, когда поновому комбинируются имеющиеся в языке средства, в результате чего создаются новые, необычные их соединения.

Появление индивидуально-авторских словосочетаний объясняется стремлением художника слова выдвинуть на первый план единственно нужные оттенки семантического или семантико-стилистического характера.

Окказиональное словосочетание – это речевая реализация возможностей языковой системы вопреки существующей традиции и норме.

В современной художественной и публицистической литературе индивидуально-авторские сочетания – частотная единица, поэтому изучение её требует пристального внимания лингвистов.

Литература:

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.
2. Ковалев В.П. Выразительные средства художественной речи. – Киев, 1985.
3. Словарь русского языка: В 4-х тт. – М., 1981-1984.
4. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. – М., 1981.
5. Цыганенко Г.П. Русский язык. Морфемика. Словообразование. Этимология. – Донецк, 1999.

Поступила в редакцию 30.11.2002

СРАВНЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Т. А. Яценко

Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского

В статье рассматривается категория сравнения как основа для развития языковых логических отношений (причина, следствие, условие, цель, уступка). Исследование строится на историческом и современном материале русского языка с частичным использованием украинского языка.

Ключевые слова: языковые логические отношения, троп, сравнение, метафора

У статті розглядається категорія порівняння як засада розвитку мовних логічних стосунків (причина, наслідок, умова, мета, доступ). Дослідження будується на історичному та сучасному матеріалі російської мови з частковим використанням української мови.

Ключові слова: мовні логічні стосунки, троп, порівняння, метафора

The article deals the category of comparison as a base for development of the language logical relations (causative, effect, condition, purpose, concession). The research is fulfilled on the material of historical and modern Russian language with partial using of Ukrainian language.

Key words: language logical relations, trope, simile, metaphor

Отношения обусловленности в современной лингвистике трактуются через понятие пропозиций, объединённых логическими связями [1;2;3;4], и традиционно включают условные, причинные, следственные, целевые и уступительные. История грамматического становления этих отношений в русском языке показывает, что они развивались в тесном взаимодействии и оформились синтаксически в XVI–XVII вв. [5, с.302; 6, с.254-269], при этом отношения гипотаксиса развивались на основе отношений паратаксиса. Наиболее распространённым является положение о развитии логических отношений на базе пространственных и временных, что находит подтверждение в функциональной подвижности соответствующих предлогов и союзов (А.Ф.Лосев, Т.П.Ломтев, В.И. Борковский, В.Н. Мигирин, З.Д. Попова и др.). Ср.: [7].

В меньшей степени исследована такая важнейшая, на наш взгляд, основа развития отношений обусловленности, как сравнение. Между тем факты истории языка показывают, что древнерусский союз *яко* (*как*), основным значением которого является сравнительное, широко использовался и для присоединения придаточных со значением обусловленности. Так, по данным Е.С. Истриной, основаным на I Новгородской летописи по Синодальному списку, видно, что союз *яко* присоединяет не только придаточное сравнения: *и отыниши тыном всь около, яко же инии гради имаху*, – но и придаточные со значением причины: *Новгородци же... створиши вЪче на посадника Дмитра...*, *яко ти повЪлЪши на новгородьцихъ сребро имати*; следствия: *толми бяше лютъ пожаръ, яко по водЪ огонь горяше*; цели: *хотя погубити безбожныя сыны... яко да отмъстятъ кръвь крестьяньску* [8, с. 186-188]. Союз *яко* мог иметь и уступительное значение: *Не въсхотЪ противитъ брату своему любве ради Христовы, яко великымъ вои держа въ руку своєю* (Сказание про Бориса и Глеба, XII в.). В старом украинском языке, как указывает О.П. Безпалько, тоже возможно было (хотя и довольно редко) употребление союза *якъ* при присоединении придаточных уступки: *... И вже розсЪявиши в ПолтавЪ плевелы, же будто всеконечне Василий Кочубей мЪветъ быти у нас у Полтавъ, якъ ещё дитя молодое, полковникомъ и безъ всЪхъ насъ общой ради* (Супілка полчан полтавських на судю Петра Кованьку, 1774р.) [9, с. 197-198]. См. также в староукраинском языке сочетании *яко жь*: *Але видимо оу томъ листу твоее милости много речей прыложено, яко жь мы не ждали такового листу от твоее милости* (б.м.н., 1496 ВД II, с. 401) [10, т. II, с.581].